

УДК 821.111(73)-93

ББК 84(7СОЕ)-44

P79

Перевод с английского — Дмитрий Орлов

Where the red fern grows

Rawls Wilson

First publishing: Delacorte Press, New York, 1961

Роулз У.

P79 Там, где папоротник красный / Уилсон Роулз [Пер. с англ. Д. Орлова]. — М.: Карьера Пресс, 2020. — 336 с.

ISBN 978-5-00074-266-2

«То, что я увидел в теплых серых глазах доверчиво прижавшегося ко мне пса, вызвало из глубин моей памяти самые дорогие из хранившихся там образов... Сперва мне показалось, что это грусть или одиночество, но вскоре я понял, что ошибаюсь. Это чувство было прекрасным... Старый пес разбередил мои воспоминания со скрытыми в их глубинах бесценными сокровищами».

История Билли Колмана была опубликована в начале шестидесятых, дважды экранизирована, включена в списки внеклассного чтения для подростков, Билли Колману и его верным кунхаундам Малышке Энн и Старине Дэну — героям книги — установлены два памятника. Общий тираж книги достиг 14 миллионов экземпляров.

Мечта, упорство, достижение, счастье, потеря, обесценивание смыслов, стойкость, жизнь... Это книга «об удивительной любви, беззаветной преданности», о первых юношеских мечтах, которые освещают жизнь.

Text copyright © 1961 by Sophie S. Rawls, Trustee, or successor Trustee(s) of the Rawls Trust, dated July 31, 1991.

Text copyright ©1961 by The Curtis Publishing Company

© 2019, «Карьера Пресс», перевод и издание на русском языке

All right reserved

This translation is published by arrangement with Random House Children's Books, a division of Penguin Random House LLC

ПЕРВАЯ

Покидая тем прекрасным весенним днем контору, я и представить себе не мог, что меня ожидает — окружающий мир был слишком совершенным, для того чтобы в нем могло случиться хоть что-то неожиданное. Уж слишком хорошо все складывалось — это был один из тех дней, когда дышишь полной грудью, когда хочется без всякого повода заговорить с соседом и тебя переполняет гордость за свою страну и ее правительство. Вы наверняка понимаете, о чем я — об одном из тех редко выпадающих деньков, когда абсолютно все хорошо, а ничего плохого нет и в помине.

Я, весело насвистывая, шагал по улице, когда до меня донесся шум собачьей драки. Сперва я даже не обратил на это внимания — что необычного может быть в нескольких псах, сцепившихся где-то за углом?

Однако, по мере того как шум становился все громче, я понял, что собак там собралось изрядно. Внезапно целая свора вылетела из переулка и, разом развернувшись, понеслась в мою сторону. Не желая быть укушенным или очутиться в центре схватки, я шагнул к краю тротуара.

Оказалось, это была и не драка вовсе — вся стая преследовала одного-единственного пса. Метрах в десяти от меня они настигли свою жертву и повалили ее на асфальт. Мне стало жалко бедолагу — надо было срочно что-то предпринять, чтобы местным мусорщикам вскоре не пришлось иметь дело с собачьим трупом.

Я судорожно попытался придумать хоть что-нибудь, и в этот момент меня настиг второй сюрприз за день. Из рычащего, визжащего и барахтающегося клубка собачьих тел выступил, пятясь, старый красный кунхаунд. У меня перехватило дыхание. Я не мог поверить своим глазам.

Отчаянно изворачиваясь и огрызаясь, старик пробился через неистовствующую стаю и, пятясь, забрался под ветви живой изгороди. Вокруг него тут же образовался полукруг из рычащих псов. Самой решительной оказалась крупная легавая — она бросилась первой. Изгородь затряслась под ударами двух сцепившихся тел, а потом легавая метнулась в сторону, да так стремительно, что шлепнулась на спину. Ее правое ухо было разорвано почти надвое, собака вскочила на лапы и, визжа от боли, понеслась прочь со стремительностью перепуганного кота.

Следующей удачи попытала крупная уродливая дворняга. Ей пришлось гораздо хуже — из схватки собака вышла с располосованным до кости плечом. Дворняга плюхнулась на задние лапы и пронзительно известила мир о своей боли.

К этому моменту я уже едва сдерживался, чтобы самому не ринуться в бой. Ни один мужчина на свете не сможет спокойно смотреть на то, как старый пес бьется один

против десятка, — особенно если сердце этого мужчины хранит такие воспоминания, какие хранило мое. Я хорошо помнил, как точно такой же пес отдал свою жизнь, чтобы спасти мою.

Я скинул пальто и шагнул вперед. Мои крики и брань не произвели на собак особого впечатления — а вот хлещающее по их спинам пальто подействовало. Стая сперва рассеялась, а потом быстро разбежалась.

Опустившись на колени, я заглянул под ветки изгороди. Пес все еще был в запале схватки. Он рычал на меня, высоко обнажив клыки. Но я знал, что такой вряд ли бросится на человека. Я мягко заговорил с ним:

— Ну же, мальчик, тише, тише... Я друг. Иди-ка сюда...

Возбуждение схватки стало постепенно покидать его взгляд. Пес наклонил морду, и его длинный рыжий хвост начал потихоньку постукивать о землю. Я продолжал уговоры. Припав брюхом к самой земле, он медленно, сантиметр за сантиметром, преодолел разделяющее нас расстояние и наконец опустил морду в мои протянутые ладони.

Увидев его вблизи, я едва не расплакался. Припорошенная пылью шерсть слиплась от грязи, а кожа туго обтягивала худой костяк. Мосластые сочленения плеч и бедер выпирали на добрые пять сантиметров. Видно было, что пес долго и отчаянно голодал.

Я терялся в догадках. Что он делал в городе? Ему не место среди боксеров, пуделей, дворняг и других городских собак, его стихия вдали отсюда, среди лесов и полей. Это прирожденный охотник.

Я осторожно поднял одну из его лап, и она ответила на

все мои вопросы. Подушечки были совершенно стертые и гладкостью своей напоминали только что очищенное яблоко. Стало ясно, что этот пес проделал долгий путь, и у меня не было сомнений, что впереди его ожидает еще много дней дороги. На шее болтался грубый самодельный ошейник. Приглядевшись внимательней, я увидел, что он сделан из куска кожаной упряжи. На каждом из концов было пробито по отверстию, через которые кто-то пропустил кусок проволоки.

Перебирая ошейник, я увидел еще кое-что. В грубой коже было глубоко процарапано имя — Бадди*. Скорее всего, подумалось мне, эти корявые печатные буквы были произведением рук какого-то маленького мальчика.

Удивительно, как долго — целые годы! — воспоминания могут дремать в сердце, не давая о себе знать. А потом, стоит тебе что-то мельком увидеть или услышать, или заметить давно знакомое лицо, они внезапно оживают во всей полноте — будто все случилось только вчера.

То, что я увидел в теплых серых глазах доверчиво прижавшегося ко мне пса, вызвало из глубин моей памяти самые дорогие из хранившихся там образов. Желая отблагодарить его за это, я взялся за ошейник и сказал:

— Ну, мальчик, пойдём-ка домой и хорошенько перекусим.

Судя по всему, он сразу понял, что встретил друга, так что послушно пошел со мной.

Я искупал пса и старательно обработал мочалкой ка-

* А на русский эта кличка переводится как столь привычная всем нам Дружок. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

жду его мышцу, выгоняя из них всю боль и усталость. Он выпил почти литр теплого молока и съел все мясо, которое нашлось в доме. Я сбегал в магазин и купил еще. Он продолжил есть, пока наконец не насытился.

Пес проспал всю ночь и бóльшую часть следующего дня, а ближе к вечеру стал проявлять беспокойство. Я сказал ему, что все понимаю и, как только стемнеет, он может отправляться в путь (я решил, что покинуть город под покровом ночи для него будет безопасней).

Вечером, вскоре после заката, я вышел на задний двор и распахнул калитку. Пес прошел через нее, потом остановился, оглянулся на меня и поблагодарил за все несколькими взмахами хвоста. Чувствуя, как к глазам подступают слезы, я откликнулся:

— Это тебе спасибо, старина. И вообще, ты мог бы жить здесь столько, сколько пожелал бы.

Он негромко взвизгнул и лизнул мою руку.

Мне было интересно, в какую сторону он направится. Пес еще раз негромко подал голос, а потом повернулся и побежал на восток. Глядя, как он трусит по переулку, я не смог сдержать улыбки. При беге задние лапы пса заносило немного вправо, так что казалось, будто они двигаются отдельно от передних, однако при этом обе пары работали в стройном едином ритме. Длинные уши размеренно взлетали и падали в такт движению всего тела. Да, каждая мелочь, несомненно, выдавала в нем настоящего охотничьего пса. На углу переулка он остановился и оглянулся еще раз. Я махнул рукой.

Глядя, как пес растворяется в сумерках, я прошептал:

— До свидания, старина. Удачи тебе и доброй охоты!

Я ведь мог и не отпускать его, а поселить на заднем дворе. Вот только держать такого пса взаперти — грех. Такое обращение надломило бы его, и воля к жизни постепенно покинула бы это тело.

Я понятия не имел, откуда он пришел или куда держит свой путь. Его цель вполне могла располагаться где-нибудь поблизости или же, напротив, очень и очень далеко отсюда. Я попытался убедить себя, что его дом вполне мог находиться и в Озаркских горах — где-нибудь в Миссури, например, или Оклахоме. В таком предположении не было ничего невозможного, хотя путь в те края отсюда, из Снейк-Ривер-Вэлли, штат Айдахо, совсем не близкий.

Ясно было только, что его жизнь сделала очень крутой поворот, потому что упорно бегущий куда-то в одиночку пес — явление в высшей степени необычное. Может быть, кто-то украл его или же терзаемые нуждой хозяева продали своего питомца. Но что бы ни нарушило привычную жизнь пса, теперь он делал все, чтобы это исправить. Он возвращался домой к хозяину, которого любил, и с Божьей помощью все у него должно было получиться.

Этого пса не волновало то, насколько долгой, каменистой или тяжелой будет дорога. Его старые рыжие лапы без усталости работают в едином ритме, одолевая один километр за другим. Он не затоскует и не отступит. Когда же лапы все-таки устанут, пес свернется в высокой траве и передохнет. Вода из лужи или горный ручей освежат старую пересохшую глотку и утолят жажду. Пища, которая попадется у дороги или которую бросит ему дружеская

рука, утишит голодные колики. Он оставит позади дожди, снега, пекло пустынь и ни разу не оглянется.

И однажды утром хозяева найдут его, свернувшегося клубочком, на крыльце. Долгая дорога завершилась, пес добрался домой. Будет много радостных прыжков, вырвется даже несколько счастливых взвизгиваний. Его влажный, теплый язык будет без конца пробегать по ладоням хозяина. Все будет прощено и позабыто. В маленьком собачьем мирке вновь взойдет солнце, пес опять будет счастлив.

Еще долгое время после того, как мой друг растворился в темноте, я стоял, уставившись в пустой переулок. Меня охватило какое-то странное чувство. Сперва мне показалось, что это грусть или одиночество, но вскоре я понял, что ошибаюсь. Это чувство было прекрасным.

Сам того не подозревая, старый пес разбередил мои воспоминания со скрытыми в их глубинах бесценными сокровищами. Это были воспоминания о моем детстве, о старой банке из-под разрыхлителя для теста «Кейси бейкинг паудер» и двух маленьких рыжих щенках. Воспоминания об удивительной любви, беззаветной преданности и смерти в самом горьком из ее образов.

Вернувшись на задний двор, я начал было закрывать калитку, но вдруг остановился, потому что подумал: «А вдруг он еще вернется... Оставляю так».

Уже у самого входа в дом меня настиг порыв холодного ветра с массивных склонов Тетонских гор. Я поежился, чувствуя, как по коже побежали мурашки. Потом шагнул к дровнику и взял несколько поленьев.

Я не стал включать свет в доме. Царившие здесь тиши-

на и темнота лучше всего соответствовали моему настроению. Растопив камин, я подтащил к нему свое любимое кресло-качалку. Пока огонь разгорался, я сидел в полной тишине. Потом пламя стало щелкать и потрескивать, а блики от огня начали свой танец по потолку и стенам комнаты. От волн уютного жара становилось хорошо. Я чиркнул спичкой, чтобы раскурить трубку, и вспышка на миг осветила два изящных кубка на каминной полке. Я поднял спичку, чтобы разглядеть их получше. Вот они, стоят бок о бок — один большой, с длинными ручками, воздетыми, словно крылья голубки на заре, начищенные бока отсвечивают золотом. Второй — серебряный и чуть поменьше. Аккуратный и очень изящный, он поблескивал ясно, как белая звезда на ночном небе. Я встал с кресла и снял их с полки. У этих кубков была история, уходящая в прошлое глубже чем на полстолетия. Лаская пальцами гладкую поверхность, я перенесся мыслями в давние дни своего детства — и как же упоительны были эти воспоминания! Шаг за шагом я начал вспоминать...

ВТОРАЯ

Пожалуй, в жизни практически каждого мальчишки наступает момент, когда его настигает восхитительный недуг щенячьей влюбленности. Нет-нет, не в милую девчушку, что живет в доме напротив, а в того, у кого есть четыре маленькие лапки, вечно прыгающий хвостик и острые зубы, чтобы жевать мальчишкин палец. В того, с кем можно не просто бегать всюду и играть, но с кем даже есть и спать будешь вместе.

Мне было десять лет, когда я впервые подхватил этот беспощадный вирус, и я уверен, что ни у одного мальчишки на Земле болезнь эта не принимала такую тяжелую форму. Вот только очень непросто мечтать о псе, не имея ни малейшей возможности его получить. Это желание без устали точит сердце и пробирается во все твои мысли и мечты. Со временем оно становится все сильнее и сильнее, превращаясь наконец в почти невыносимую жажду.

Будь моя мечта похожа на желание обычного ребенка, родители наверняка рано или поздно раздобыли бы мне щенка, но дела обстояли гораздо сложнее. Я мечтал не об

одном, а о двух псах, и при этом не абы каких. Это должны были быть псы совершенно определенной породы и особых кровей.

Я без них попросту не мог. И вот однажды я пошел к отцу и все это ему выложил. Он поскреб в затылке, обдумывая мои слова.

— Что ж, Билли, — наконец сказал он, — я слышал, что колли старика Хэтфилда вот-вот ощенится. Наверняка смогу раздобыть одного для тебя.

Его слова были хуже ледяного душа.

— Папа, — взмолился я, — мне щенка колли не надо. Я настоящую охотничью собаку хочу — кунхаунда, и не одного щенка, а двух.

По лицу отца было видно, что он и рад бы мне помочь, но не может.

— Билли, — сказал он, — такие собаки дорого стоят, а вот денег-то у нас прямо сейчас и нет. Может, когда-нибудь это у нас и получится, но точно не в ближайшее время.

Я не сдался и отправился к маме. Но и от нее ничего не добился. Мама сказала, что я еще слишком мал для охоты с собаками. Кроме того, для охоты нужно ружье, а мне его до совершеннолетия все равно не видать как собственных ушей.

Мой разум отказывался это понимать. Вокруг расстилались лучшие охотничьи уголья в мире, а у меня не было пса.

Наш дом стоял посреди живописной долины, притаившейся в сени могучих Озаркских гор. Края тут были нетронутые, люди встречались редко. Земля, на которой

мы жили, была когда-то владениями индейцев чероки и досталась по наследству моей матери, в жилах которой текла индейская кровь. Долина начиналась у подножия гор и тянулась до самых берегов реки Иллинойс на северо-востоке Оклахомы.

Почва здесь была черной, жирной и очень плодородной. Папа сказал как-то, что тут проросла бы даже наша старая пила, воткни он ее в здешнюю землю. Мой отец был первым, кто погрузил в эту девственную почву холодную сталь плуга.

А место для нашего бревенчатого дома выбирала мама. Он стоял в окружении рощи огромных красных дубов, в устье маленького каньона, берущего свое начало у подножия гор. С задворок дома открывался вид на Озаркские горы, уходящие вдаль на многие километры. Весной ветер приносил сюда благоухание дикоцветов — багрянника, азимины и кизила, — разливающееся по всей долине и наполняющее дом.

А за нашими полями несла по причудливо изогнутому руслу чистейшие голубые воды река Иллинойс. Ее берега были тенисты и полны прохлады, плодородные речные низины заросли высокими платанами, березами и кленами.

Для десятилетнего сельского мальчишки эти края были самым прекрасным местом во всем огромном мире, и я знал их до последнего камешка. Я исходил все холмы и речные низины, знал каждую звериную тропку в густых зарослях тростника и все до одного отпечатки лап в прибрежной грязи.

Сильнее всего меня завораживали следы речного ено-

та, похожие на отпечатки ножек ребенка. Я мог часами не вставать с земли, изучая их. А прежде чем уйти домой, я брал ветку и заметал все следы. Я называл это — «следопытство». На следующее утро я спешил к тому же месту, и в девяти случаях из десяти вновь находил на гладко заметенной земле следы кольцехвостого енота.

И тогда я понимал, что этой ночью он вновь прошел по своей тропке. Закрыв глаза, я почти видел, как зверек вперевалку ковыляет к речке, чтобы, устроившись где-нибудь под берегом, половить своими маленькими изящными лапками лягушек, раков или пескарей.

Я был охотником с того самого дня, как сделал свой первый шаг. Я ловил ящериц под проволочными изгородями, крыс среди стеблей кукурузы и лягушек в речонке, пересекавшей наше поле.

Время шло, мой щенячий недуг усиливался, псы стали являться мне во сне, и я снова пошел к матери с отцом. Однако все оставалось по-прежнему. Хорошие псы стоили денег, а их-то у нас и не было.

Моя неистовая жажда усилилась настолько, что я потерял аппетит и заметно сбросил в весе. Заметив это, мама вызвала папу на разговор.

— Ты должен придумать что-нибудь, — сказала она. — Я такого удрученного мальчишку в жизни не видала.

— Знаю, — сказал ей папа, — меня это не меньше твоего заботит, но что я сделаю-то? Ты же знаешь, что у нас таких денег попросту нет.

— Пусть так, — сказала мама, — но ты хоть что-то придумай. Видеть не могу, как он все время ходит будто в

воду опущенный. И потом, он мне такой попросту мешает — я работу по дому сделать не успеваю, потому что он за мной тенью бродит и клянит без остановки.

— Я ему собаку предлагал, — сказал папа, — но на абы какую он не соглашается. Мечтает об охотничьих псах, а они же кучу денег стоят. Ты знаешь, сколько парни Паркера отдали за своих двоих? Семьдесят пять долларов! Случись у меня такие деньги, я бы лучше второго мула купил — он мне ох как пригодился бы!

Я подслушал этот их разговор из соседней комнаты, и сперва мне полегчало — по крайней мере, мои страдания не остались незамеченными. А потом я загрустил пуще прежнего, потому что прекрасно знал, что мои родители — люди бедные, и лишних денег у них нет. Мне стало нестерпимо жалко и их, и себя.

Обдумав все хорошенько, я придумал, как могу пойти им навстречу. Скрепя сердце я сказал папе, что мне не нужно двух псов — хватит и одного. Увидев, какая боль появилась в его взгляде при этих словах, я почувствовал, как что-то отчаянно сжало мне грудь.

Папа усадил меня к себе на колени, и мы с ним серьезно поговорили. Он рассказал мне о нынешних непростых временах, когда человек не может получить честную цену за то, что сумеет вырастить. О том, как многие фермеры оставили свои поля и вынуждены отправляться на заготовку железнодорожных шпал, чтобы хоть как-то прокормить свои семьи. И если ничего не изменится к лучшему, тем же самым придется заняться и ему. Папа сказал, что он отдал бы все на свете, лишь бы у меня появилась пара

добрых псов, но сейчас у него для этого не было ни малейшей возможности.

Спать тем вечером я шел с таким чувством, будто мое сердце разорвано на множество мелких лоскутов, а оказавшись в постели, я горько плакал до тех пор, пока не уснул.

На следующий день папе нужно было съездить в лавку. Уже поздно вечером я услышал, как он вернулся, и со всех ног бросился навстречу, надеясь получить кулечек конфет. Однако вместо этого он вручил мне три маленьких стальных капкана.

Даже если бы сам Санта-Клаус спустился ко мне с гор на упряжке оленей и при всем параде, я бы так не обрадовался. Я дико прыгал, кричал и пролил не меньше ведра счастливых слез. Я без конца обнимал отца и твердил ему, какой же он замечательный папа.

Папа показал мне, как устанавливать капкан, удерживая ногой пружину, и как настроить спуск. Той ночью я взял все три с собой в постель.

На следующее утро я начал свою охоту в окрестностях амбара. Моей первой жертвой стал наш кот Сэми. Ну и шуму же было! А я ведь вовсе и не собирался его ловить. Мне хотелось добыть крысу, а тут не пойми с чего появился этот любопытный проныра — ну и угодил в мой капкан.

Сестренки тут же принялись вопить, взывая к маме. Та прибежала перепуганная, чтобы выяснить, что происходит. Но объяснять что-то не было смысла — своим безумным фирканьем и воем Сэми все сказал за нас.

Он будто взбесился — не понимая, что случилось, то и дело хватал себя зубами за лапу и орал без перерыва. Его хвост раздулся и стал похожим на мокрый початок кукурузы, каждый волосок на маленьком теле поднялся торчком. Кот плевался, истошно выл и бросался на каждого, кто пытался к нему подойти.

Мои дурехи-сестры вопили благим матом, то и дело повторяя:

— Бедный Сэми! Бедный Сэми!

Мама шикнула на них и велела мне сбегать за рогаткой, которая поддерживала бельевую веревку. Я так и сделал.

Я всегда знал, что лучше мамы помощника мальчишке не сыскать. Она поймала шею Сэми в рогатку и прижала ее к земле.

В лапу бедняге и без того уже впилась железка — прижавшая же к земле еще и голову рогатка была явным перебором. Ну и концерт он нам задал! Мне в жизни не приходилось слышать такого воя.

Скоро уже вся ферма стояла на рогах — бродившие по склону холма куры принялись подпрыгивать в воздух с бешеным кудахтаньем, корова Дэйзи опрокинула свою бадью и тем вечером не дала ни капли молока, а хавронья Замараха Энн стала носиться по кругу, перемежая пронзительный визг возбужденным хрюканьем.

Сэми отчаянно извивался, орал и шипел, но все без толку — мама даже не шелохнулась, надежно прижимая его к земле. Я быстро подбежал и ударил ногой по пружине капкана, освобождая кота. С последним диким воплем тот молнией метнулся под амбар.

Когда все наконец-то стихло, мама сказала:

— Я думаю, с ним у тебя проблем больше не будет — такого урока кот не забудет.

Как же она ошибалась! Ведь Сэми был любопытнейшим из котов. Он мог часами напролет сидеть на ветках красного дуба, пристально следя за каждым моим движением.

Вскоре я обнаружил в нашем саду несколько тропок в зарослях мальвы. Решив, что тут-то и пролегают маршруты моей дичи, я тут же поставил капканы — ну откуда мне было знать, что это любимые охотничьи уголья Сэми? Кот явно недоумевал, с чего это я зачастил на его территорию, и наконец отправился выяснять.

Уже очень скоро бедолага хромал на все четыре лапы. Стоило папе в очередной раз увидеть Сэми, валяющегося на солнышке пузом кверху со вздернутыми к небу забинтованными лапами, он начинал хохотать до тех пор, пока на глазах не выступали слезы.

Тогда мама снова вызвала папу на разговор и сказала, что он просто обязан поговорить со мной, потому что, если я еще хоть раз поймаю Сэми, она попросту сойдет с ума.

Папа попросил меня впредь выбирать места для капканов поосторожнее.

— Пап, — сказал я ему на это, — я вовсе не хочу ловить Сэми, но он самый странный кот из всех, что я видел. Только и делает, что следит за мной, а чтоб нос в мои дела не совать — так это для него и вовсе невозможно.

Папа взглянул на Сэми. Тот растянулся на солнышке,

уткнув в небо забинтованные лапы. Длинный хвост напряженно подергивался из стороны в сторону.

— Ну ты видел? — спросил я папу. — Он ведь и сейчас следит за мной и ждет не дождется, когда я начну капканы свои ставить, чтобы идти их обнюхивать.

Папа молча зашагал прочь, к амбару. Чуть позже оттуда раздался взрыв гомерического хохота.

Однако в конце концов происходящее окончательно измучило Сэми, и он ушел из дома. Нет, время от времени кот заглядывал к нам, но теперь он даже отдаленно не напоминал прежнее дружелюбное животное. Сэми держался очень нервно и никому не позволял к себе прикасаться — быстро проглатывал свое молоко и мигом шмыгал за поленницу.

Мне было жаль кота, ставшего таким из-за моих капканов. Однажды я решил вернуть нашу дружбу и при первой возможности протянул руку, чтобы почесать Сэми спинку. Однако кот мгновенно раздулся, как курица на яйцах, его зрачки позеленели, и я услышал низкое угрожающее рычание. Потом Сэми зашипел на меня и поднял лапу с таким видом, будто собирался снести мне голову. Я понял, что лучше к нему не приставать.

Очень скоро я истребил всех крыс в округе, а потом случилась изрядная неприятность — в мой капкан попала одна из лучших маминых кур. Мне пришлось выдержать изрядную взбучку, устроенную мамой с помощью пучка розог из ветвей персикового дерева.

Папа велел мне впредь ставить капканы не ближе чем в тростниках, что начинались за нашими полями, и там пе-

редо мной распахнулся целый новый мир. В капканы стали попадаться опоссумы, скунсы, дикие кролики и белки.

Папа научил меня свежевать добытую дичь. Вскоре стены нашей коптильни украсились аккуратными рядами шкурок. Я мог часами напролет любоваться своими восхитительными трофеями.

В моей коллекции был только один изъян — в ней не хватало большой енотовой шкуры. Мне никак не удалось изловить старика-кольцехвоста. Уж слишком он был хитер — легко стаскивал наживку из моих капканов, а иногда и вовсе презрительно их переворачивал.

Однажды я обнаружил в одном из своих захлопнувшихся капканов стоящую торчком ветку и показал ее папе. Он рассмеялся и сказал, что она, должно быть, упала с дерева. Я не стал его слушать, потому что был твердо уверен, что эту ветку намеренно засунул в мой капкан старый енот.

Игры с капканами изрядно отвлекли меня от моего щенячьего недуга, но, как всегда бывает с любой новой игрушкой, прелесть новизны со временем отступила, и я вновь оказался там, откуда начинал. Только теперь все было хуже, причем намного, потому что за это время я вполне успел ощутить прелесть встречи с природой.

И я вновь принялся надоедать маме.

— О нет, — сказала она, — только не это! Я-то думала, что ты, получив капканы, наконец-то успокоился. Нет, Билли, и слышать ничего не хочу ни о каких псах!

Я знал, что она говорит всерьез, и окончательно упал духом, а потом и вовсе решил покинуть родной дом. Стя-

нув банку персикового варенья, немного кукурузного хлеба и пару луковиц, я спрятал все это под домом. Мой план был прост — дойти до какого-нибудь большого города, раздобыть там целую сотню псов и вернуться с ними домой.

Все это казалось мне вполне осуществимым, пока однажды из лесу не донесся протяжный волчий вой. Покидать дом я передумал.

А когда начался охотничий сезон, случилось то, что меня окончательно добило. Лежа как-то вечером в постели и пытаюсь придумать, как же мне раздобыть псов, я вдруг услышал клич вышедшего на охоту кунхаунда. Вскочив с кровати, я распахнул окно. Лай повторился. Этот низкий звук четко и громко разносился в ночном морозном воздухе. Время от времени до меня доносился и крик охотника, подзывавшего пса.

Лай кунхаунда не смолкал до самого утра. Он прекратился, лишь когда пропели первые петухи. И этот пес со своим хозяином были не единственными, кто не сомкнул в ту ночь глаз. Я напряженно прислушивался к их голосам до тех пор, пока они не стихли на рассвете.

В то утро я преисполнился решимости все же раздобыть себе псов. Вновь отправившись к маме, я решил действовать с помощью подкупа. Я пообещал ей, что, если она уговорит папу раздобыть мне охотничьего пса, я буду откладывать все деньги, вырученные за шкурки, и куплю ей новое платье с целым ящиком хорошеньких шляпок в придачу.

В этот раз я увидел в ее глазах слезы. На душе от этого

стало так скверно, что я и сам заплакал. К тому моменту, когда она закончила обнимать, целовать и утешать меня, я твердо знал, что мне не нужна ни одна собака в мире, — видеть, как плачет мама, было невыносимо.

А следующей ночью я вновь услышал лай. Я накрывал голову подушкой, чтобы заглушить его, но бесполезно. Звонкий звук будто бы пронзал подушку насквозь, ввинчиваясь мне в уши. Мне пришлось встать и подойти к окну — я попросту не мог иначе. Если бы только этот охотник знал, что ночи напролет жестоко истязает десятилетнего паренька, он наверняка надел бы на своего пса намордник.

Я позабыл о сне. Не мог заснуть даже в те ночи, когда за окном было тихо, — я попросту боялся проспать их очередную охоту.

К концу охотничьего сезона я превратился в жалкого невротика. Глаза постоянно были красными, я потерял вес и стал тощим как жердь. Время от времени мама подзывала меня, чтобы осмотреть мой язык и заглянуть под веко.

— Такое ощущение, — сказала она однажды, — что ты вообще не высыпaeшьcя. Что с тобой?

— А зачем же я тогда каждый вечер в кровать ложусь? — возразил я.

Но по маленьким морщинкам, собравшимся на мамином лбу, я понял, что мой ответ ее не удовлетворил. Однажды во время одного из осмотров в комнату вошел папа. Мама сказала ему, что переживает за мое здоровье.

— Брось, — отозвался он, — все в порядке с ним.

Просто за зиму дома засиделся. Парню нужны солнце и движение. Ему ведь уже почти одиннадцать, ну так этим летом будет мне в поле помогать — мигом поздоровеет.

Эти слова очень обрадовали меня. Наконец-то я становлюсь мужчиной и смогу помогать папе в его работе!

ТРЕТЬЯ

Однако от щенячьего недуга я так до конца и не излечился. Со всеми новыми обязанностями, порученными мне отцом, страсть эта только вроде как перегорела, оставив на сердце глубокий шрам. Каждый раз, когда в наших полях или на берегу ручья я натыкался на след енота, шрам этот начинал ныть, вновь причиняя мне боль.

И только когда я окончательно похоронил мечту когда-либо заполучить добрую гончую, случилось что-то невероятное. Видать, Господь Бог решил, что с меня довольно страданий, и наконец-то протянул мне свою длань.

Все началось в один из тех дней, когда я работал в поле, пропалывая кукурузу неподалеку от реки. На другом берегу вот уже несколько дней стояла лагерем небольшая компания рыбаков. В тот день до меня донесся чих и пыхтение мотора старой максвелловской колымаги*, взбирающейся в гору, и я понял, что рыбаки уехали. Отшвырнув мотыгу, я бросился к реке, быстро перебрался на другой берег по шэнноновскому броду и со всех ног бросился к опустевшей стоянке.

* Автомобиль компании Maxwell Motor Company.

Я всегда был рад возможности обшарить только что покинутую рыбацкую стоянку. Там зачастую можно было обнаружить что-нибудь забытое хозяевами — моток лески, например, а то и целую удочку. Однажды мне даже посчастливилось разжиться отличным ножом, который беспечный рыболов оставил торчать в коре платана. Но в тот день я обрел величайшее из сокровищ — небрежно брошенный хозяевами спортивный журнал. Такая вещица и сама по себе была подлинным сокровищем для деревенского мальчишки, но журнал, что я нашел в тот день, изменил всю мою жизнь.

Усевшись на ствол поваленного платана, я принялся перелистывать страницы, пока не добрался до раздела объявлений о продаже всякой всячины, в том числе и собак. Кого здесь только не было! Я впервые видел многие из пород, названий которых при всем желании не смог бы воспроизвести. В нижнем правом углу страницы я наткнулся на объявление, от которого у меня перехватило дыхание. Набранный мелким шрифтом текст гласил: «Чистопородные щенки красного кунхаунда — 25 долларов штука».

Объявление дал заводчик из Кентукки. Я перечитывал эти строки снова и снова, затверживая наизусть, и уже почти наяву не только видел, но даже слышал щенков и касался их шерсти кончиками своих пальцев. Журнал был позабыт, я растворился в нахлынувших видениях. Мозг одиннадцатилетнего мальчишки способен порождать невероятно яркие образы.

Если бы только я смог заполучить пару таких щен-

ков! Да каждый мальчишка Америки наверняка уже давным-давно обзавелся верным псом (а то и парой) — но только не я. Вот только пятьдесят долларов — как мне раздобыть такие деньжищи? Я отлично понимал, что на родителей взвалить этот груз нельзя.

Я вспомнил библейскую мудрость, которую мама как-то прочла нам: «Бог помогает тому, кто помогает себе сам». Я задумался над этими словами и стал раз за разом мысленно повторять их, а потом вдруг решил попросить Бога о помощи. И вот, стоя на берегу реки Иллинойс, в прохладной тени высоких платанов, я изо всех сил воззвал к Богу с просьбой помочь мне раздобыть двух щенков. Это было не особо-то похоже на настоящую молитву, но только просил я от всего сердца.

Было уже поздно, когда я наконец покинул стоянку рыбаков. Шагая домой, я ощущал в кармане своего джинсового полукомбинезона упругую твердость свернутого в трубку журнала. Заходящее солнце укрыло речную низину сокровенной тишиной, остывающий чернозем приятно охлаждал мои босые ноги.

Наступала пора пробуждения всей лесной живности. Крупный водяной кролик выскочил на тропку, присел, увидев меня, и мигом метнулся прочь. На ветвь дуба выбежала серая мама-белка. Внезапно она предупреждающе тьякнула в сторону замерших рядом с ней четырех пушистых комочков, и те мгновенно растворились в густой зелени. Бесшумная серая тень отделилась от верхушки высокого платана, раздался пронзительный крик и гулкие удары крыльев. Откуда-то издалека донеслось позвякива-

ные бубенца. Я знал, что это Дэйзи, наша дойная корова. Я всегда забирал ее с пастбища по пути домой.

Вытащив из кармана журнал, я снова перечитал то самое объявление. В моей голове мало-помалу стал созревать план... Я скоплю нужную сумму! Буду продавать рыбакам все, что можно, — раков, пескарей и свежие овощи. Когда пойдут ягоды, стану собирать их и относить в дедушкину лавку. А зимой можно будет ставить капканы. Чем больше я размышлял надо всем этим, тем более осуществимой казалась мне моя идея. Да! Я и вправду мог заполучить себе пару щенков — нужно только накопить эту сумму!

Я уже почти ощущал их тельца в своих ладонях, представлял себе маленькую конуру, куда посажу их, и ошейники, которые для них смастерю. Потом была следующая мысль: «А как их назвать?» Я пробовал одну кличку за другой, громко выкрикивая их на ходу, но ни одна мне не понравилась. Что ж, подумал я, времени на подбор кличек у меня будет предостаточно.

Сейчас передо мной стояла задача посложнее — пятьдесят долларов, целое состояние, сумма поистине невообразимая, такой мне и в жизни видывать не приходилось. С чего я вообще вообразил, что смогу собрать ее? На руках у меня было двадцать три цента — гривенник, полученный от дедушки за исполнение разных мелких поручений, да тринадцать центов, что я выручил у одного рыбака за полную червяков жестянку.

Следующим утром я отправился на мусорную кучу за сараем. Я искал банку — свой будущий банк. Перебрав

несколько, я не нашел ни одной подходящей, а потом увидел ее — старую банку из-под разрыхлителя для теста «Кейси бейкинг паудер». Это было то, что нужно, — высокая и не слишком широкая банка с прочно закрывающейся крышкой. Я отнес свою находку к ручью и принялся натирать ее песком до тех пор, пока она не засияла, как новенькая.

Затем я опустил в банку свои двадцать три цента. Упавшие на блестящее пустое дно монеты показались мне совсем-совсем маленькими — и все же это было неплохое начало. Расставив пальцы, я постарался прикинуть, сколько места займут здесь пятьдесят долларов мелочью.

После этого я отправился на чердак нашего амбара. Там я и спрятал свою банку — вдали от сваленного сена, под самым карнизом крыши. Теперь у моей мечты был хороший почин — целых двадцать три цента — и отличный банк, который надежно сбережет деньги от крыс, снега и дождя.

Все оставшееся лето я вкалывал как ломовая лошадь. В змеящейся по нашим полям речонке я голыми руками собирал раков и с помощью самодельной сетчатой верши ловил пескарей на наживку из маминого желтого кукурузного хлеба. Свою добычу я относил рыбакам вместе со свежими овощами и печенной на углях кукурузой. Я бороздил колючие заросли ежевики, в кровь расцарапывая ноги и руки, и исходил все окрестные холмы в поисках новых мест для сбора. Дедушка давал мне по гривеннику за каждое полное ведро.

Однажды он спросил, на что я трачу заработанное. Я честно ответил, что коплю на охотничьих псов, и по-

просил его помочь с покупкой, когда наберу всю сумму. Дедушка согласился. Кроме того, я попросил ничего не говорить отцу. Он согласился и на это. Судя по всему, дедушка не слишком-то серьезно отнесся к моей затее.

Той зимой я не давал своим капканам стоять без дела. Дедушка сбывал добытые шкурки мехоторговцам, навывавшимся в его лавку на протяжении всего сезона. Выручка, впрочем, была небольшой: шкурка крупного опосума шла по пятнадцати центов, хорошего скунса — по четвертаку.

Мало-помалу груда пятаков и гривенников росла. Старушка «Кейси бейкинг паудер» становилась все тяжелей. Я частенько взвешивал ее на ладони, а потом отмерял соломинкой расстояние от края банки до монет. Месяц шел за месяцем, соломинка становилась все короче.

Следующим летом я снова принялся за старое:

— Раков или пескарей не желаете? А свежих овощей? Печеной кукурузы?

Рыбаки были хорошими людьми, как и все настоящие охотники. Они чувствовали настойчивость, сквозящую в моем голосе, и никогда не отвечали отказом. Хотя потом на их покинутой стоянке мне нередко случалось обнаруживать свои овощи нетронутыми.

Я никогда не назначал цену и с благодарностью принимал все, что мне давали.

Прошел год. Мне исполнилось двенадцать. Банка была заполнена уже больше чем наполовину. В ней лежало двадцать семь долларов и сорок шесть центов. Я воспрял духом и взялся за труд с удвоенной силой.

День за днем протек еще один год, и однажды наступил наконец великий момент. Долгий и тяжкий путь завершился, в моих руках было пятьдесят долларов, и я неожиданно заплакал, когда однажды в очередной раз пересчитывал монеты.

Возвращая в тот день банку под сень стропил, я заметил вдруг, что она источает мягкое белое сияние. Такого видеть мне еще не приходилось. Хотя не знаю — может, мне это и привиделось.

Упав на мягкое сено, я закинул руки за голову и окинул мысленным взором два оставшихся позади года. Я вспомнил рыбаков, заросли ежевики и холмы. Вспомнил молитву о двух щенках, которую когда-то вознес Всевышнему. Теперь я знал, что Он помог мне, дав необходимые силу, решимость и терпение.

Ранним утром следующего дня я запихнул банку глубоко в карман своего джинсового полукомбинезона и стремглав понесся в лавку, насвистывая и громко распевая на ходу. Я чувствовал себя выше любой из гор Озаркской гряды.

Добравшись до места, я обнаружил у коновязи две телеги — это пара фермеров приехали за припасами. Я дождался, пока они отправятся восвояси, и зашел. Дедушка стоял за прилавком. Я не без труда извлек банку из кармана, вывалил ее содержимое на прилавок и поднял глаза.

Дедушка был ошарашен. Он попытался было что-то сказать, но не смог. Просто смотрел то на меня, то на грудку монет. Наконец спросил (и голос его был гораздо громче обычного):

— Откуда это у тебя?

— Я же тебе говорил, дедушка, — ответил я, — что коплю деньги, чтобы купить двух гончих щенков. Ты еще обещал мне с заказом помочь. Теперь у меня есть деньги, вот я и пришел.

Дедушка долго смотрел на меня поверх очков, а потом снова перевел взгляд на монеты.

— И сколько же ты копил? — спросил он.

— Долго.

— Это сколько?

— Два года.

Рот дедушки изумленно приоткрылся, а затем он громко повторил:

— Два года!

Я кивнул.

Под изумленным дедушкиным взглядом я чувствовал себя как на иголках. А он снова уставился на деньги. Увидев торчащий из груды монет листок, который пожелтел за это время, дедушка спросил:

— А это что?

Я объяснил, что это то самое объявление с адресом.

Дедушка прочитал его, потом перевернул и зачем-то внимательнейшим образом изучил его оборотную сторону.

Я видел, как изумление постепенно покидает его взор, и ко мне возвращается мой старый добрый дед. Мне полегчало.

Бросив листок на мелочь, он повернулся и не спеша пошел вдоль прилавка в дальний конец магазина, обмахив-

вая своей старой метелочкой из индюшачьих перьев полки, на которых не было ни единой пылинки. При этом он продолжал искоса поглядывать на меня краем глаза.

Наконец дедушка отложил метелочку и вернулся ко мне. Положив мне на голову свою натруженную мозолистую руку, он вдруг резко сменил тему:

— Постричь тебя надо бы, сынок.

Я ответил, что не возражаю. Но вообще-то коротко стричься я не любил, потому что тогда мне начинали ужасно досаждают комары и мухи.

Дедушка взглянул на мои босые ноги:

— Откуда у тебя эти порезы с царапинами?

Я сказал, что собирать чернику без обуви — дело весьма непростое.

Дедушка кивнул.

Все это, похоже, было чересчур даже для него. Дедушка повернулся ко мне спиной и отошел в сторону. Я увидел, как он снял очки, вытащил свой старый красный платок и даже весьма правдоподобно сделал вид, что сморкается. Когда спустя несколько секунд он вновь повернулся ко мне, я увидел, что его глаза стали влажными.

— Что ж, сынок, — сказал он наконец, и его голос дрогнул, — это твои деньги. Ты их заработал, тяжким трудом заработал. Честно заработал, и теперь псов заполучить хочешь. Ну так мы этих псов раздобудем! Будь я проклят, если не раздобудем! Будь я проклят!

Это была самая страшная брань, которую мне когда-либо приходилось слышать от дедушки (если, конечно, это вообще можно считать бранью).

Он подошел к прилавку и снова взял вырезку:

— Так ей уже два года?

Я кивнул.

— Что ж, — сказал он, — сперва надо списаться с ними. Может, этой конторы уже и нет давно. За два года много чего могло случиться.

Видя, как эти слова подействовали на меня, дедушка продолжил:

— Ты иди пока домой. Я напишу заводчику, а как ответ придет, сразу дам тебе знать. Если там псов не раздобудем, еще где-нибудь найдем. А еще я на твоём месте отцу про все это пока рассказывать не стал бы. Я слышал, он вроде как собирался рыжего мула у старика Поттера сторговать.

Я заверил его, что буду молчать, и направился к выходу.

Дедушка громко окликнул меня уже у самых дверей:

— А конфет-то ты, верно, уже давненько не пробовал?

Я кивнул.

— И сколько же?

— Очень давно.

— Что ж, — сказал он, — этого мы так не оставим.

Зайдя за прилавок, он вытащил из-под него кулек — не маленький, куда помещалось сладостей на гривенник, а большой — на целый четвертак.

Я не сводил глаз с дедушкиных рук. Они раз за разом ныряли в шкаф со сладостями, возвращаясь оттуда с пригоршнями мятных палочек, леденцов, сладкого горошка и мармелада. Кулек увеличивался — как, наверное, и мои вытаращенные глаза.

Вручив мне его наконец, дедушка сказал:

— Вот, бери. А как изловишь со своими псами первого крупного енота, тогда и рассчитаемся.

Я заверил его, что так и будет.

По пути домой я подпрыгивал и пританцовывал, пытался петь и свистеть — вот только этому мешали леденец, торчащий у меня изо рта слева, и кусок мармелада — справа. Мой дедушка был самым лучшим в мире, а сам я — самым счастливым мальчишкой на свете.

Мне очень хотелось поделиться своей радостью с сестренками, но о щенках я все же решил им ничего не рассказывать.

Добравшись до дома, я первым делом вывернул кулек с конфетами на кровать, и шесть маленьких ручонок не заставили себя долго ждать. Любовь же и признательность, которыми засветились голубые глаза моих сестреночек, с лихвой вознаградили мою щедрость.

ЧЕТВЕРТАЯ

А ни шли один за другим, дедушка неизменно встречал мое появление в лавке легким покачиванием головы. Но однажды в понедельник я с самого порога понял — что-то изменилось. Дедушка был в прекрасном расположении духа и, посмеиваясь, вел беседу сразу с полдюжиной покупателей. Я настойчиво ловил его взгляд, но дедушка отвечал лишь ухмылкой да подмигиванием. Когда мне уже начало казаться, что фермеры останутся здесь навечно, лавка наконец-то опустела.

Дедушка сказал, что получил ответ на письмо. Заводчик по-прежнему продавал собак. Дедушка сказал, что попросил почтовый фургон подождать, пока он оформит заказ. Кроме того, за два прошедших года цены снизились, и теперь каждый щенок стоил на пять долларов меньше. Тут дедушка вручил мне десятидолларовую купюру.

— Но тут еще одна проблема есть, — сказал он. — В почтовом фургоне собак возить запрещается, поэтому их только до станции в Талеке довезут. Я заказ на твое имя оформил, так что, как только они на месте окажутся, тебя сразу известят.

Я от всей души поблагодарил дедушку и спросил, как скоро можно ожидать новостей.

— Не знаю, — сказал он, — но больше пары-тройки недель это вряд ли займет.

Я спросил, каким образом можно будет забрать щенков из Талеки.

— Ну, наши часто туда наведываются, — сказала дедушка, — могут и тебя с собой прихватить.

Тем вечером молчание, традиционно царившее за семейным ужином, было нарушено моим вопросом:

— Пап, а до Кентукки далеко?

Эффект был как от взрыва бомбы. На мгновение вновь воцарилась тишина, а потом старшая из сестер хихикнула. Двое младших беззастенчиво вытаращили на меня глазенки.

Папа хмыкнул, а потом сказал:

— Да так сразу и не скажу, но путь неблизкий. А зачем тебе? Никак собрался туда?

— Нет, — отозвался я. — Просто интересно.

Младшая из сестреночек хихикнула и спросила:

— А можно мне с тобой?

Я наградил ее весьма выразительным взглядом.

Тут в беседу вступила мама:

— А теперь меня послушай — что это вообще за вопрос такой? «Далеко ли до Кентукки?» Я вообще не представляю, что на тебя в последнее время нашло. Ходишь как потерянный и знай себе худеешь. Ты же тощий как рельса! А волосы свои ты давно видел? В прошлое

воскресенье в доме у Тома Ролланда стригли всю детвору, а ты где был? Опять по лесу бродил!

Я сказал маме, что в следующий раз обязательно постригусь. Еще сказал, что просто слышал, как люди в магазине разговаривали про Кентукки — вот и стало интересно, далеко ли это. К моему огромному облегчению, на этом разговор и закончился.

Снова потянулись долгие дни. Прошла целая неделя — и никаких вестей о щенках. Моя голова стала полниться ужасными мыслями: а вдруг они потерялись? Ну или поезд, в котором их везли, столкнулся с другим? Вдруг кто-то украл мои деньги или же заказ попросту затерялся... А потом в самом конце следующей недели пришла долгожданная весточка.

Дедушка сказал мне, что переговорил с Джимом Ходжесом. Где-то через неделю тот собирался ехать в город и готов был взять меня с собой. И снова я от всей души поблагодарил деда.

Домой я шел в глубокой задумчивости. В конце концов я решил, что пришла пора все рассказать отцу, и был твердо намерен открыться ему тем же самым вечером. Я даже несколько раз честно попытался это сделать, но отчего-то так и не смог. И это был не страх — папа ни разу в жизни меня даже не выпорол. Он всегда был очень добрым и мягким человеком — и все же я не смог. Сам не знаю почему, но у меня попросту не получилось взять и все ему рассказать.

Той ночью, затерявшись в мягких складках перины и одеяла, я сосредоточенно размышлял. Я очень долго ждал своих щенков, и теперь мне отчаянно хотелось на-

конец-то увидеть их и прижать к себе. Я не хотел ждать еще целую неделю.

И тогда я неожиданно решился. Встав с кровати, я неслышно оделся. Потом прокрался в кухню и взял одну из маминых любимых хозяйственных сумок. Я положил в нее шесть яиц, остатки кукурузного хлеба, пару щепоток соли и несколько спичек. Затем я пробрался в коптильню и отрезал добрый шмат сала. Заглянув в амбар, взял оттуда мешок и уложил внутрь мамину хозяйственную сумку, а потом скатал его в тугой сверток и не без труда запихнул за пазуху своего полукомбинезона.

Все было готово. И тогда я пошел к своим псам.

Талека была маленьким сельским городком человек на восемьсот. По дороге до нее было чуть больше пятидесяти километров, ну а если напрямую, как вороны летают, — около тридцати. Я отправился вслед за воронами, напрямиком через холмы.

Хоть я там отродясь и не бывал, но хорошо представлял, в какую сторону мне нужно шагать. Талека была на противоположном от нас берегу реки. Справа от меня тянулась железная дорога Фриско, слева несла свои воды река Иллинойс. Талека же раскинулась неподалеку от того места, где железнодорожные пути пересекали реку. Я знал, что если уйду вправо, то правильное направление мне укажет железная дорога, а если влево — река.

Ближе к середине ночи я перешел речку по броду где-то в районе округа Дриппин-Спрингс. Из долины реки я вскарабкался на длинный изогнутый кряж, а с него уже спустился на равнину и пошел дальше, не сбавляя ско-

рого шага. Меня несли вперед ноги оленя, выносливость сельского мальчишки, нестигаемая решимость и сердце, полное любви к моим псам. Я не боялся ни темноты, ни тем более гор, потому что в этих горах я родился и вырос.

Шаг за шагом, километр за километром я шел вперед. На востоке показались первые серые полосы. Я знал, что день на подходе. Мои босые ступни были уже сильно натерты о камни и исцарапаны колючками. Я сделал остановку у сбегающего с гор ручья, погрузил ноги в холодную воду и спустя несколько минут зашагал дальше.

После этой остановки моя скорость заметно упала. Мышцы ног начинали деревенеть. Ощувив к тому же первые приступы голодных колик, я решил остановиться у следующего встреченного ручья для перекуса — и тут же вспомнил, что забыл прихватить банку, в которой можно было бы сварить яйца.

Я остановился и развел небольшой костерок. Отрезав добрый ломоть от своего куска сала, я изжарил его и положил на кусок кукурузного хлеба. Потом затушил костер и пошел дальше, жуя на ходу. Теперь я чувствовал себя гораздо лучше.

В Талеку я вошел с северо-востока. Мамину сумку спрятал за пазуху, а мешок убирать не стал и вошел в город прямо с ним в руке. Встреча с Талекой и ее жителями меня напугала — я ведь еще ни разу не бывал в таком большом городе посреди такого количества людей. Один магазин сменялся другим, а некоторые из них были даже двухэтажными. Постоялый двор был забит лошадьми и

установлен повозками самых разных видов — и грузовыми, и пассажирскими колясками.

Две юные барышни моего возраста остановились и, уставившись на меня, принялись хихикать. Я чуть было не разозлился, но вовремя опомнился — ведь у меня самого было три сестры. Я знал, что в таких случаях женщины попросту не могут ничего с собой поделать.

Потом я увидел крупного мужчину, идущего по улице. Блестящая звезда на его груди показалась мне размером с целое ведро, а на бедре висел длинный черный пистолет. Мне случалось слышать о шерифах с маршалами*, но вот видеть их еще не приходилось. В байках, что рассказывали про них в горах, всегда упоминалось о невероятной скорости, с которой они выхватывали свои пистолеты, и о том, скольких каждый из них убил на своем веку.

Чем ближе он подходил, тем страшнее мне становилось. Я понял, что мне пришел конец. Я уже буквально видел, как он наводит дуло своего длинного черного пистолета на мой лоб и спускает курок. Мне показалось сущим чудом, что в итоге он просто прошел мимо, едва удостоив меня взглядом. Выдохнув, я отправился навстречу новым чудесам.

Оказавшись у здоровенной витрины, я остановился и стал ее разглядывать. За стеклом передо мной распахнулась самая великолепная картина из всех, что мне случалось видеть. Залитые яркими лучами солнца там лежали куртки и брюки, рулоны прекрасных тканей, новенькие

* Маршалы и шерифы — должности ответственных за охрану правопорядка в США.

ошейники, упряжь и сбруи. А потом мои глаза полезли на лоб: среди прочих вещей на витрине лежало несколько ружей, и у одного из них было два дула. Я не мог поверить собственным глазам — два дула! Мне уже приходилось видеть настоящие ружья, но только не такое.

А потом я увидел еще кое-что. Солнце стояло у меня за спиной, и витринное стекло превратилось в отличное зеркало. Я впервые в жизни увидел собственное отражение в полный рост. Выглядел я, конечно, странновато. Длинные нечесанные соломенные волосы напоминали спутанные ветром кукурузные метелки. Я попытался пригладить их пятерней. Стало лучше, но ненамного. Тут требовалась хорошая расческа, которой у меня не было.

Мой выцветший джинсовый полукOMBинезон, хотя и был испещрен заплатками, оказался вполне чистым. Из-под него выбилась рубашка. Я заправил ее обратно.

Я опустил взгляд на свои босые ноги, и только сморгнул. Они были того же темно-коричневого цвета, что и опавшие по осени кленовые листья. На таком фоне дико-винно смотрелся паутинчатый узор из глубоких алых царапин, сплошь покрывающий кожу ног. «Что ж, — подумал я, — перестану собирать чернику, и все эти царапины быстро исчезнут».

Затем я несколько раз согнул правую руку, ожидая, что мой бицепс вот-вот прорвет тонкую синюю ткань рубашки. Потом показал сам себе язык. Он был красным, как сок ягод лаконоса, и, судя по его цвету, никого здоровее меня на свете и быть не могло.

В тот момент, когда я, скорчив своему отражению не-

сколько рож, поднял пальцы к ушам, чтобы изобразить длинноухого осла, к витрине подошли две немолодые женщины. Они остановились и уставились на меня. Ну а я стал глядеть на них. Когда они наконец-то отвернулись и пошли дальше, до меня донеслось несколько слов, которые одна из женщин сказала другой. Уловить сказанное было непросто, но одно слово я услышал отчетливо: «Ди-карь». Что ж, как я уже говорил раньше, в таких случаях женщины попросту ничего не могут с собой поделаться.

Когда я решил идти дальше, мой взгляд задержался на полукомбинезоне и лежавших рядом с ним рулонах ткани. И тут я подумал о маме с папой и сестрах. Вот же он — мой шанс искупить самовольный уход из дома!

И я вошел в магазин. Сперва я выбрал полукомбинезон для папы. Потом объяснил продавцу, какого приблизительно размера мои мама с сестрами, и купил несколько метров ткани. Ну и большой кулек конфет.

Глянув на мои босые ноги, продавец сказал:

— Имеется неплохая обувь.

Я сказал, что обуви мне не надо. Он спросил, не желаю ли я еще чего-нибудь. Я покачал головой.

Он вручил мне чек, я ему — десять долларов, после чего получил сдачу. Завернув все мои покупки в бумагу, продавец помог мне засунуть их в мамину сумку. Я вскинул ее к плечу и вышел из магазина.

На улице я подошел к дружелюбно выглядящему старичку и спросил его, где тут станция. Он сказал, что мне надо идти по улице до самого конца, а потом свернуть на-

право и шагать до упора — мимо станции я не пройду. Я поблагодарил его и двинулся дальше.

Оставив за спиной центр города, я оказался на длинной улице с жилыми домами. Мне еще не приходилось видеть столько красивых зданий разом в одном месте, да ко всему прочему еще и разноцветных. Аккуратные, чистенькие лужайки были похожи на зеленые ковры. На одной я увидел мужчину, толкающего перед собой какую-то мудреную косилку. Я остановился, чтобы поглазеть на вертящиеся лезвия, но когда он, в свою очередь, уставился на меня, я быстро пошел дальше.

И тут спереди до меня донеслись громкие крики и смех. Я ускорил шаг, чтобы ничего не пропустить, и вскоре увидел источник шума. Вокруг здорового здания из красного кирпича играло столько детей, сколько я в жизни не видал. Мне подумалось, что, здесь живет какой-то богатеи, устроивший праздник для своих детей и их гостей. Остановившись на краю площадки, я принялся разглядывать эту картину.

Все мальчишки с девчонками были приблизительно моего возраста, и их тут было не меньше, чем пчел вокруг улья. И все они одновременно бегали, прыгали и визжали. Многочисленные качели были буквально усеяны хохочущими детьми. Всем было очень и очень весело.

К одной из стен здания от земли под углом поднималась широкая голубая труба. На высоте нескольких метров она изгибалась и дальше, судя по всему, шла уже внутри здания. Внезапно мальчишки один за другим стали исчезать в ее зияющем отверстии — я насчитал девя-

терых. А еще один остался стоять в паре метров от трубы, сжимая в руке палку.

Я не сводил с трубы глаз, пытаюсь понять, что они задумали, как вдруг из нее вылетел мальчишка. Он промелькнул над землей и уверенно приземлился на полусогнутые ноги. Вторым мальчик тут же отметил палкой место, где тот коснулся земли. Потом из трубы один за другим вылетели восемь остальных мальчишек. После приземления каждого на земле появлялась новая отметка.

Мальчишки столпились над отметками и стали их разглядывать. Они громко кричали, спорили и размахивали руками, а в конце концов стерли все отметки, назначили нового судью и опять полезли внутрь трубы.

Теперь мне стало ясно, в чем суть этой игры. Взобравшись изнутри трубы к ее высшей точке, мальчишки усаживались с вытянутыми вперед ногами и по одному съезжали вниз. Победителем становился тот, кто пролетал дальше остальных. Мне очень захотелось хотя бы разочек попробовать скатиться самому.

Тут, увидев меня в углу площадки, один из мальчиков подошел поближе. Он оглядел меня и спросил:

— Ты что, тоже из школы?

— Школы? — спросил я.

Он кивнул:

— Ясное дело, школы. А что ж это еще может быть, по-твоему?

— А-а... Нет, я не из школы.

— Так ты в Джефферсоне учишься?

— Не там, нет.

— Ты что, вообще в школу не ходишь?

— Хожу, конечно же.

— В какую?

— Дома.

— Дома в школу ходишь?

Я кивнул.

— А в каком ты классе?

Я сказал, что ни в каком.

Мальчик был явно озадачен:

— Ходишь в школу дома, а в какой класс — не знаешь.

Кто учитель хоть у тебя?

— Мама моя.

— И чему она тебя учит?

— Читать учит, писать, считать — и можешь быть уверен, что я это все не хуже твоего делать умею.

— А башмаков у тебя нет, что ли? — спросил он.

— Ясное дело, есть!

— А чего ты их тогда не надел?

— Так я их только с заморозками надеваю.

Мальчик засмеялся и спросил, где я живу.

— Да там, в холмах.

— А-а-а! — сказал он. — Так ты деревенщина!

С этими словами мальчишка со всех ног побежал обратно к своей компании. Я увидел, как он тычет в меня пальцем и говорит что-то друзьям. Те мигом помчались ко мне, выкрикивая на ходу:

— Деревенщина! Деревенщина!

Однако прежде, чем они успели до меня добраться, зазвонил звонок. Мальчишки мигом развернулись, подбе-

жали к зданию и, выстроившись в две шеренги, зашагали внутрь школы, как самые настоящие маленькие солдаты.

Площадка опустела. Я остался один, и мне отчего-то стало очень грустно. А потом из-за моего правого плеча донесся какой-то звук. Я мог бы и не оборачиваться — звук взрыхляющей землю мотыги я не спутал бы ни с чем другим и посреди безлунной ночи. Рядом с клумбой стояла маленькая старушка с седыми волосами.

Вновь повернувшись к длинной синей трубе, я подумал: «Все равно тут никого сейчас нет. Попробую хотя бы разок». Я подошел поближе и заглянул в черное отверстие. Выглядело оно страшновато, но я тут же подумал о тех мальчишках, что залезали сюда на моих глазах. А заметив оставшуюся на земле черту, подумал: «Наверняка у меня даже лучше получится».

Отложив сумку, я принялся карабкаться вверх. Чем дальше я забирался, тем темнее и страшнее становилось вокруг. В тот момент, когда я добрался до самого верха, моя нога соскользнула. Я понесся вниз, отчаянно пытаюсь ухватиться за что-нибудь, но хвататься тут было не за что.

На своем веку эта труба наверняка повидала немало чемпионов, установивших уйму замечательных рекордов, но я до сих пор уверен, что, если бы кто-нибудь присутствовал тогда при моем полете, тот установленный мною рекорд и по сей день оставался бы непревзойденным.

Я вылетел из трубы так же, как забирался в нее, — вперед ногами и пузом книзу. Ноги были растопырены в разные стороны, как листья у ростка фасоли, а руки безвольно повисли в воздухе. В зените своего полета я, как мне

показалось, застыл в воздухе, разглядывая раскинувшуюся где-то далеко внизу утоптанную землю.

Когда же я снова понесся к земле, то изо всех сил зажмурился и сжал зубы, но в тот момент, когда я громко шлепнулся на землю, весь воздух разом вылетел из груди сквозь сжатые зубы — я распахнул было рот, чтобы издать вопль, но дыхания для этого уже не хватило.

Пару раз кувыркнувшись, я наконец замер. Неподвижно лежал несколько минут с раскинутыми руками и ногами, а потом аккуратно встал на колени.

И тут до меня донесся громкий дребезжащий хохот. Я оглянулся. Это была та самая старушка с мотыгой. Прервав смех, она осведомилась, понравился ли мне мой полет. Я молча схватил свой мешок и пошел прочь. В самом конце улицы я обернулся. Старушка по-прежнему сидела на земле, трясясь от смеха.

Вот и пойми этих горожан. Или бессовестно пьются на человека, или так же бессовестно над ним хохочут.